

УДК 902 (075.8) (571.1/5)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ПОНЯТИЕ «АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА» В ТРУДАХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ СИБИРИ 1920 – 1960-х гг. (ЧАСТЬ 1)*Л. Ю. Китова***METHODOLOGY ISSUES OF ARCHAEOLOGY AND THE CONCEPT OF ARCHAEOLOGICAL CULTURE IN THE WORKS OF RESEARCHERS OF SIBERIA OF THE 1920 – 1960s. PART I***L. Yu. Kitova*

Статья была написана в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации, регистрационный № 33.1175.2014К.

Понятие «археологическая культура» составляет содержательный каркас историко-научного и историографического знания в археологии. В 1920-е гг. С. А. Теплоухов, создав первую классификацию археологических культур Сибири, установил основные критерии ее определения: типологическое сходство археологического комплекса, единство археологических памятников во времени и пространстве. Исследователи, придерживающиеся палеоэтнологических взглядов (Б. Э. Петри, С. А. Теплоухов, С. И. Руденко, М. П. Грязнов, В. Н. Чернецов), понимали под археологической культурой в первую очередь материальную культуру, господствующую на определенной территории в конкретный период.

The concept of “archaeological culture” presents a substantive framework of historical-scientific and historiographical knowledge in archaeology. In the 1920s, S. A. Teploukhov, having created the first classification of archaeological cultures of Siberia, established the basic criteria for determining those: typological similarity of an archaeological complex, unity of archaeological sites in time and space. Researchers who shared paleoethnological approach (B. E. Petri, S. A. Teploukhov, S. I. Rudenko, M. P. Griaznov, V. N. Chernetsov) understood archaeological culture primarily as material culture dominant in a particular territory in a particular period.

Ключевые слова: методологические проблемы археологии, археологическая культура, понятие, сущность, исследователи Сибири 1920 – 1960-х гг.

Keywords: methodology issues of archaeology, archaeological culture, concept, substance, researchers of Siberia of the 1920 – 1960s.

Интересный феномен можно наблюдать в отечественной археологии: многие значимые теоретико-методологические проблемы, активно обсуждаемые в советский период и до сих пор являющиеся спорными, в современный период плюрализма мнений не становятся предметом дискуссий. Стоит взглянуть на программу последнего археологического съезда, чтобы убедиться, что теоретико-методологические вопросы не воспринимаются научным сообществом как актуальные. При этом ряд участников IV (XX) Археологического съезда предлагают научному сообществу вернуться к обсуждению таких тем, как возможности археологии в этнических реконструкциях (д-р ист. наук В. А. Иванов), или критика приверженцев источниковедческого характера археологии и отстаивание позиции об археологии как исторической науке (д-р ист. наук А. И. Мартынов) (нет возможности сослаться на тезисы докладов, т. к. они не были опубликованы).

На мой взгляд, возвращение на новом уровне к разработке теоретико-методологических проблем археологии возможно после скрупулезного изучения опыта наших предшественников по наиболее важным вопросам теории и методологии науки.

Одним из таких вопросов является понятие «археологическая культура», поскольку этот научный термин во многом составляет содержательный каркас историко-научного и историографического знания в археологии.

В рассматриваемый мною период, отечественные археологи-сибиреведы почти не писали специальных теоретико-методологических трудов, но это не значит, что они не раздумывали о сущности основополагающих дефиниций науки. Эти идеи нашли отражение в их изысканиях.

Как известно, Б. Э. Петри был первым исследователем, создавшим стратиграфическую схему поселения Улан-Хада, которая послужила основой для культурно-хронологической периодизации неолита Сибири. Он был приверженцем палеоэтнологии, предполагавшей комплексные исследования по археологии, антропологии, этнологии в сочетании с изучением естественной среды обитания древнего человека. Согласно его взглядам предметом изучения трех органически связанных между собой дисциплин: физической антропологии, археологии и этнографии, был человек. Объект исследования у каждой из дисциплин был свой – антропологические, археологические и этнографические артефакты. Главной задачей палеоэтнологии, по мнению исследователя, было восстановление доисторического (*первобытного*. – Л. К.) прошлого человечества по трем видам источников. Комплексный подход давал возможность не только реконструировать образ жизни первобытного человека, но и воссоздать его этнический облик и определить его связь с современными аборигенами. При этом археологические источники были основополагающие в доисторический (*бесписьменный*. – Л. К.) период, с

появлением письменных источников начинался исторический период [20, с. 69 – 70].

Для культурно-хронологических реконструкций Б. Э. Петри использовал «систему трех веков» К. Томсена, усиленную для палеолита периодизацией Мортилье-Брейля. Все эпохи по примеру В. А. Городцова он разделил на периоды (у Городцова – ранняя, средняя, поздняя поры) [4]. В основу периодизации были положены изменения в технике изготовления орудий и смена сырья, из которого они делались.

Так, при рассмотрении материалов сибирского палеолита Б. Э. Петри синхронизировал Афонтову гору с ранним мадленом, Верхоленскую гору – с поздним мадленом [17]. Он предполагал, что первобытный человек появился в Сибири в последнеднепериодический период одновременно с мамонтом – основным объектом охоты. Одну из главных задач в изучении палеолита Сибири Петри видел в поисках останков такого человека [17].

Неолит Прибайкалья, по мнению Б. Э. Петри, сформировался на местной основе, т. е. был автохтонным [19; 20]. Неолит он разделил на три эпохи:

- 1) поздний неолит;
- 2) средний неолит;
- 3) новый неолит.

В свою очередь поздний неолит был разбит на раннюю стадию, которая содержала XI слой стоянки Улан-Хада, и позднюю стадию, содержащую X слой. Самый нижний горизонт (XI слой) Петри определил как бескерамический и по существу впервые поставил вопрос о существовании переходного периода от палеолита к неолиту [19]. Традиционно в сибирской археологии считается, что «М. М. Герасимов впервые заявил о наличии в Сибири мезолитической стадии каменного века» [9, с. 227], однако это не совсем так. Б. Э. Петри впервые синхронизировал раннюю стадию позднего неолита Сибири с культурой маглемозе мезолита североевропейской равнины, выдвинув в качестве критериев этого периода отсутствие в комплексе керамики, шлифовальных орудий и наконечников стрел [19, с. 3 – 12]. Позднюю стадию позднего неолита (X слой стоянки Улан-Хада) исследователь сравнивал со стадией датских кухонных куч, которые характеризуются появлением керамики. Средний неолит Сибири представлен, по мнению Петри, горизонтами с III по IX, критериями его фиксации служило появление стрел, орнаментированной керамики, шлифовальных орудий. Новый неолит Сибири был определен автором периодизации на основании I и II слоев поселения Улан-Хада, содержащих изделия, демонстрирующие совершенство кремневой техники, в том числе микролиты, а также орудия из нефрита и меди [19, с. 18 – 19].

Исследователь не видел оснований для существования бронзовой культуры в Прибайкалье и считал, что эпоха камня в Прибайкалье сменилась эпохой железа. Смена культур, согласно Петри, произошла в результате перемещения кочевников Центральной Азии на север.

Б. Э. Петри часто использовал понятия «период», «эпоха», «культура» как идентичные. В 1928 г. он писал: «Культура бронзы хорошо изучена в Минусин-

ском крае, где в настоящее время можно считать выясненным, что каменная культура была сменена бронзовой» [20, с. 46]. В данном случае он под термином «эпоха», имел в виду так называемый каменный и бронзовый века из «системы трех веков» К. Томсена, и эти эпохи определялись артефактами материальной культуры. Нередко, характеризуя находки из отдельных слоев стоянки Улан-Хада, Б. Э. Петри также применял термин «культура», например: «Культура 11 слоя» [20, с. 34], подразумевая, как и в предыдущем контексте, материальную культуру.

Б. Э. Петри вводит в научный оборот понятия: «культурная провинция» и «культура мелких провинций». Так байкальскую неолитическую культуру он характеризует как провинцию, а для более мелких провинций предлагает использовать термин «культура» [20, с. 12]. Эту идею через четверть века будет развивать А. П. Окладников [11, с. 10 – 11].

Б. Э. Петри руководствовался палеоэтнологическим принципом: человек – часть природы, и ее изменения приводят к изменению образа жизни человека. За эти идеи современные исследователи упрекают его в географическом детерминизме [26, с. 79]. Однако, на мой взгляд, Б. Э. Петри прекрасно показал в своих работах [14 – 20], что климатические изменения только подтолкнули человека к новым занятиям, открытиям, изменениям в технике обработки камня или металлов. Благодаря развитию своих навыков, умений, в конце концов, развитию ума человек смог приспособиться к новым условиям жизни. Б. Э. Петри всегда считал важным характеристику природной среды, в которой появился и развивался первобытный человек. Разработав методические указания для исследования поселений, он требовал от своих учеников подробного физико-географического описания местности с описанием окрестных гор, рек, озер, инсоляции, господствующего ветра и следов его деятельности [16, с. 6]. Для характеристики образа жизни первобытного человека Б. Э. Петри настоятельно рекомендовал собирать всю информацию о рыбных и охотничьих угодьях, о топях, об их расположении относительно поселения, о возможности ловли рыбы неводом; а также выявить места, где брали воду, камень, глину. Таким образом, Б. Э. Петри считал важным исследовать памятник в природном контексте и учил своих студентов получать массу дополнительной информации, которая помогала реконструировать прошлое древнего человека.

Б. Э. Петри полагал, что история человечества в Сибири начиналась как и в Европе, с палеолита. Усматривая конвергентное развитие палеолита и неолита в Европе и Сибири, и выявляя его одинаковые стадии развития, он хотел подтвердить или опровергнуть «общий непреложный закон развития человечества» [17, с. 6 – 7]. В этом в первую очередь проявлялся его эволюционизм. Однако согласно палеоэтнологическим воззрениям Б. Э. Петри, прогресс был связан с эволюцией, но не сводится только к ней. В сибирском палеолите Б. Э. Петри выделил специфические черты, которые характеризуются смешением архаичных и новых форм орудий, сохранением древних традиций в технике обработки камня и типах орудий [16, с. 45 –

46]. Также Б. Э. Петри видел своеобразие в развитии сибирского неолита [19]. Согласно изысканиям Н. А. Савельева, Б. Э. Петри развивал идею Г. Мергартта о локальных особенностях неолита Сибири [26, с. 79]. Начиная с эпохи среднего неолита, Б. Э. Петри определяющим показателем археологической культуры считал керамику [19, с. 18].

Б. Э. Петри, используя этнографические материалы для восстановления первобытной истории Прибайкалья, не отождествлял напрямую археологические культуры и современные этносы региона. Как правильно отметил Н. А. Савельев: «Б. Э. Петри считал, что археологические комплексы в отличие от этнографических являются, по сути дела, этнически немymi (протоэтническими)» [26, с. 78]. Например, Б. Э. Петри пишет об археологических памятниках в горах Ноин-Ула, как о «немых свидетелях ...неизвестного нам народа» доисторического периода [20, с. 69]. Этнически неопределяемыми – «немymi» были археологические памятники эпохи камня и бронзы. Чем ближе к появлению письменности, тем этническими более определяемыми были археологические комплексы. Так, носителями культуры «курумчинских кузнецов» Б. Э. Петри считал предков якутов, которые в конце раннего железа века были вытеснены народами тюрко-монгольской ветви. Строя такие предположения, он сам понимал их недоказанность и рассчитывал на дальнейшие комплексные исследования по археологии и этнографии [14, с. 23 – 29; 20, с. 53 – 69]. А. П. Окладников в дальнейшем будет активно развивать идею Б. Э. Петри об использовании данных этнографии для реконструкции жизни первобытного человека [10 – 13].

Культура «курумчинских кузнецов» была первой культурой железного века, зафиксированной по поселениям. Б. Э. Петри придавал большое значение исследованию археологических памятников данного типа, т. к. считал, что поселения объективнее отражают историческую реальность.

В целом, согласно взглядам Б. Э. Петри, преистория (бесписьменная история) – это немая история, она изучается археологами, и археолог (или палеоэтнолог) восстанавливает в первую очередь материальную культуру прошлого.

Первую классификацию археологических культур Сибири создал С. А. Теплоухов [28; 29]. Его взгляды мною подробно проанализированы [5, с. 170 – 193; 6, с. 166 – 173], поэтому остановлюсь только на сути понятия «археологическая культура». Работая над систематизацией культур, исследователь употреблял термины «культура» и «этап». Термин «культура» он использовал как «классификационную единицу», ее подразделение называл «этапом» [30, с. 61]. Под археологической культурой С. А. Теплоухов, прежде всего, понимал материальную культуру, с помощью которой можно охарактеризовать определенную эпоху в истории развития древних обществ. Главными критериями выделения археологической культуры для С. А. Теплоухова явились конструкции могильных сооружений и связанные с ними комплексы погребального инвентаря [31, с. 42]. При четком понимании С. А. Теплоуховым того, что «...погребальный

инвентарь какой-либо эпохи не исчерпывает всей соответствующей материальной культуры», он, однако, считал его «...одним из главных элементов при установлении руководящих форм отдельных культур и этапов» [30, с. 61]. С. А. Теплоухов при фиксации археологической культуры подчеркивал значение археологических комплексов: «...более определено мы можем говорить о «культурах», ...когда имеем дело не с отдельными разрозненными находками и фактами, а с целым комплексом предметов, найденных в одном месте» [32, стб. 405]. Как ясно видно из приведенных цитат, время и территория также были основными критериями археологической культуры. Особую роль при определении археологической культуры он придавал формам и орнаментам глиняных сосудов.

Систематизируя типы погребальных памятников на определенной территории, С. А. Теплоухов учитывал антропологический тип древнего населения, оставившего их, т. е. антропологический тип древнего населения также являлся одним из признаков археологической культуры. Так, например, сравнивая антропологический тип населения эпохи бронзы, исследователь пришел к выводу: «Физический вид погребенных (*андроновской культуры*. – Л. К.), судя по черепам, обнаруживает некоторые отличия от типа населения, как предшествующей афанасьевской, так и последующих, более поздних эпох: карасукской и минусинской курганной» [31, с. 44].

С. А. Теплоухов был сторонником палеоэтнологических концепций, палеоэтнология, по мнению ученого, изучала доисторическое прошлое человечества. В ее состав входили археология, этнография и антропология. Каждый из разделов имел свои цели и объект исследования, предметом исследования у всех трех наук был человек [3]. Только с помощью комплексных палеоэтнологических исследований в Азии, считал С. А. Теплоухов, можно решить «...такие основные вопросы, как происхождение человека, переселение народов, возникновение и распространение тех или иных культур и культурных влияний, их смену» [31, с. 41]. Свои построения по первобытной истории он основывал на комплексных палеоэтнологических исследованиях, используя данные многих естественных наук для интерпретации археологических источников. С помощью эволюционной теории без абсолютизации постепенного поступательного развития С. А. Теплоухов смог установить схему смены одной археологической культуры другой более развитой, не отрицая влияния извне, контактов с соседними территориями и миграционных процессов, всегда учитывая географическое положение изучаемого района и природно-климатическое воздействие на историю и культуру древних жителей края.

С. А. Теплоухов считал необходимым комплексно изучать человека и среду, в которой развивалась археологическая культура. Он был сторонником идей антропогеографии. Область проживания отдельных этносов Теплоухов ставил в зависимость от географических границ района. Выделенные им «культурно-бытовые зоны» были предвестниками понятия «хозяйственно-культурные типы».

Правильно выбранное место раскопок, верно разработанная методика классификации, интуиция и глубокий анализ материала позволили С. А. Теплоухову создать такую схему развития культур, основные положения которой верны до сих пор. Это была первая периодизация культур в Сибири, охватывающая памятники от эпохи бронзы до Средневековья включительно, на основе которой создавались культурно-хронологические схемы археологических памятников соседних районов.

С. А. Теплоухов был одним из первых исследователей, чьё понимание сути археологической культуры, стало основополагающим для дальнейших изысканий.

Для исследований С. И. Руденко также характерно изучение первобытного человека, его образа жизни в палеоэтнологическом контексте [7].

С. И. Руденко считал, что археологические и этнографические источники дополняют друг друга и между ними можно проводить аналогии. Это явствует из всех его работ, об этом он прямо писал в 1920-е гг.: «Воспроизведение быта прошлых времен возможно только отправляясь от известного изучения быта современного нам человечества». С. И. Руденко исходил из двух предпосылок:

1) если в древности и в этнографической современности у народов встречаются похожие орудия и другие предметы быта, то древние и этнографические предметы принадлежат к одной культурной группе;

2) по аналогии с современным бытом можно делать заключение и о древней социальной организации, «сходство в вещественных остатках свидетельствует о сходстве и в общественных обычаях» [1, л. 4 – 3].

При этом он предостерегал от отождествления понятий «этнос» и «археологическая культура»: «этническая группа и культура не совпадают между собой» [2, л. 7].

С. И. Руденко первым включил культуру племен Алтая в круг скифских культур: «...раскопанный в восточном Алтае курган принадлежит одному из скотоводческих племен, в течение нескольких столетий до н. э. господствующих от Монголии до Карпат, объединенных единой культурой и известных со времен Геродота под сборным племенем скифов, сарматов, массагетов и т. п.» [22, с. 31]. По мнению исследователя, «единство их материальной культуры» было обусловлено не только конвергентным развитием этих племен, но и тесными связями друг с другом [24, с. 7]. С. И. Руденко считал, что единому облику культуры скотоводческих племен середины I тыс. до н. э. способствовал подвижный образ жизни с всесторонним, интенсивным обменом, с совместными военными действиями и ассимиляцией одним племенем дру-

гого. При этом он признавал местные особенности «каждого в отдельности племени или группы родственных племен» [25, с. 189].

Решая вопрос об этнической принадлежности скифских племен Алтая, исследователь сопоставлял археологические материалы с данными Геродота и китайских династийных хроник и отождествлял их с легендарными «стерегущими золото грифами» или с племенами, известными китайцам под именем юэжжи [25, с. 176]. Эта точка зрения с коррективами поддерживается и современными исследователями [27, с. 132; 21, с. 10; 8, с. 172].

С одной стороны, С. И. Руденко так же, как Б. Э. Петри и С. А. Теплоухов, понимал под «археологической культурой» в первую очередь материальную культуру [25, с. 201]. Именно поэтому он по археологическим источникам восстанавливал не социально-экономические отношения, а занятия и образ жизни древних племен, давал характеристику одежде и украшениям, технике обработке различных материалов, средствам передвижения [23 – 25]. С другой стороны, он отмечал, что деление на материальную и духовную культуру условно: «Провести грань между духовными и материальными элементами (*культуры*. – Л. К.) совершенно невозможно, ибо живая единая природа классификации не знает». Тем не менее, С. И. Руденко как ученый всегда отстаивал позицию классификации и систематизации изучаемых материалов, поэтому условно к элементам материальной культуры относил:

- «1) добывание пищи,
- 2) жилища,
- 3) народную технику,
- 4) средства передвижения,

5) игры, забавы и т. д.»; к элементам духовной культуры: «искусство, верования, международные отношения, общественную жизнь и т. д.» [2, л. 3].

Правда, в 1940 – 1950-е гг. С. И. Руденко приходится пользоваться термином «эпоха» вместо термина «археологическая культура», но это касается всех трудов вышеназванного периода и связано с критикой дореволюционной российской науки и терминологии, которую применяли исследователи до Октября 1917 г.

Таким образом, исследователи, придерживающиеся палеоэтнологических взглядов (Б. Э. Петри, С. А. Теплоухов, С. И. Руденко), понимали под археологической культурой в первую очередь материальную культуру. В 1920-е гг. С. А. Теплоухов, создав классификацию палеометаллических культур Минусинского края, установил основные критерии определения археологической культуры: типологическое сходство археологического комплекса, единство археологических памятников во времени и пространстве.

Литература

1. ПФА РАН (Санкт-Петербургский филиал архива РАН), ф. 1004, оп. 1, д. 16.
2. ПФА РАН, ф. 1004, оп. 1, д. 19.
3. РА ИИМК (Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН), ф. 2, оп. 1, 1922, д. 75.
4. Городцов В. А. Археология. Т. 1: Каменный период. М.; Пг.: Государственное изд-во, 1923. 397 с.
5. Китова Л. Ю. История сибирской археологии (1920 – 1930-е годы). Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2007. 272 с.

6. Китова Л. Ю. Сергей Александрович Теплоухов // Российская археология. 2010. № 2.
7. Китова Л. Ю. Теоретические воззрения С. И. Руденко в области археологии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. Вып. 2(46).
8. Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Пазырыкская узда. К предыстории хунно-юечжийских войн // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: материалы Всеросс. науч. конференции, посвящ. 70-летию со дня рождения А. Д. Грача. СПб.: Культ-информ-пресс, 1998.
9. Ларичев В. Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Ч. 1: Азия и проблема родины человека (история идей и исследования). Новосибирск: Наука, 1969. 338 с.
10. Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1950. Ч. I, II. 412 с.
11. Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1955. Ч. III. 374 с.
12. Окладников А. П. Якутия до присоединения к русскому государству. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1955. 432 с.
13. Окладников А. П. Далекое прошлое Приморья. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1959. 412 с.
14. Петри Б. Э. Первые следы доисторического человека в Сибири. Чита, 1922. 12 с.
15. Петри Б. Э. Далекое прошлое бурятского края. Иркутск: Изд-во газеты «Красный бурят-монгол», 1922. 43 с.
16. Петри Б. Э. Программа исследования стоянок под открытым небом Иркутск: ВСОРГО, 1923. 15 с.
17. Петри Б. Э. Сибирский палеолит. Иркутск: ВСОРГО, 1923. 47 с.
18. Петри Б. Э. Доисторические кузнецы в Прибайкалье: (К вопросу о доисторическом прошлом якутов). Чита, 1923. 19 с.
19. Петри Б. Э. Сибирский неолит. Иркутск: ВСОРГО, 1926. 39 с.
20. Петри Б. Э. Далекое прошлое Прибайкалья. Иркутск, 1928. 73 с.
21. Полосьмак Н. В. «Стерегущие золото скифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск: Наука, 1994. 125 с.
22. Руденко С. И. «Скифское» погребение Восточного Алтая // СГАИМК. 1931. № 2.
23. Руденко С. И. Горноалтайские находки и скифы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 267 с.
24. Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 404 с.
25. Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 359 с.
26. Савельев Н. А. Вклад Б. Э. Петри в изучение сибирского неолита // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та 1991.
27. Савинов Д. Г. К изучению этнополитической истории народов Южной Сибири в скифскую эпоху // Проблемы археологии и этнографии. Вып. 4: Историческая этнография. СПб.: Изд-во СПбУ, 1993.
28. Теплоухов С. А. Следы доисторической жизни в Минусинском крае // Географический вестник. 1922. Т. 1. Вып. 2 – 3.
29. Теплоухов С. А. Этнологические исследования в Сибири (1919 – 1922) // Наука и ее работники. 1922. № 3 – 4. С. 46 – 47.
30. Теплоухов С. А. Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. 1927. Вып. 2. Т. 3.
31. Теплоухов С. А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (в кратком изложении) // Материалы по этнографии. 1929. Вып. 2. Т. 4.
32. Теплоухов С. А. Металлический период // Сибирская советская энциклопедия. 1932. Т. 3. Стб. 400 – 415.

Информация об авторе:

Китова Людмила Юрьевна – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии КемГУ, 58-19-87, lyudmila.kitova@mail.ru.

Lyudmila Yu. Kitova – Doctor of History, Professor at the Department of Archaeology Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 16.12.2014 г.